

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Доктор философских наук,
профессор кафедры
философской антропологии философского
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: nnrostova@yandex.ru

УДК 101.3

ПОСТКОСМИЗМ И ПОСТГУМАНИЗМ: ДВЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье анализируется современное состояние дел в философии в отношении вопроса «Что есть человек?». В связи с этим автор выделяет две стратегии – постгуманизм и посткосмизм. Стратегия постгуманизма состоит в отрицании идеи человеческой исключительности. Человечность становится тем, что может мыслиться вне связи с человеком и пониматься как право, которое распространяется на внечеловеческий мир. Посткосмизм, напротив, отстаивает идею онтологической инаковости человека. Отвечая на вызовы антропологической катастрофы, его представители предлагают ряд новых антропологических проектов.

Ключевые слова: антропология, современная философия, человек, нечеловеческая антропология, посткосмизм, постгуманизм, антроподицея, гостеприимство.

© Ростова Н. Н. 2020

Natalia N. Rostova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: nnrostova@yandex.ru

POST-COSMISM AND POST-HUMANISM: TWO STRATEGIES IN THE MODERN PHILOSOPHY OF THE HUMAN

Abstract. Abstract. The article analyzes the current state of affairs in philosophy in relation to the question «What is human?». In this regard, the author identifies two strategies – post-humanism and post-cosmism. The strategy of post-humanism is to deny the idea of human exceptionalism. Humanity becomes something that can be thought of out of touch with human and understood as a right that extends to the non-human world. Post-cosmism, on the

contrary, advocated the idea of ontological otherness of the human. Responding to the challenges of anthropological catastrophe, its representatives propose a number of new anthropological projects.

Keywords: anthropology, contemporary philosophy, human, inhuman anthropology, post-cosmism, post-humanism, anthropodicy, hospitality.

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-217-220

Вопрос о человеке сегодня – это вопрос антроподицеи, оправдания человека. Античных мыслителей волновала космодицея – обоснование разумности мира. Христианство заботила теодицея – оправдание Бога, согласование представлений о Нем как Всеблагом, Всемогущем и Всезнающем с наличием в мире зла. Сегодня наступило время суда над человеком. Человек принуждён оправдываться в собственном существовании. Но не перед Богом, как это понимала русская философия начала XX века, видевшая спасение и очищение человека в культе, творчестве или причастности Софии. Человек сегодня поставлен перед судом нечеловеческого.

Человека в современном мире теснят и смещают нечеловеческие существа – техника, искусственный интеллект, природа, животные, призраки, мертвецы и объекты. Именно они сегодня претендуют на человечность. И человек принуждён оправдывать своё право на человечность.

В философии сегодня сформировались две стратегии подхода к человеку – стратегия постгуманизма и стратегия посткосмизма. Первую развивает западная философия, вторую – русская философия. В чём смысл этих стратегий?

Суть постгуманистической парадигмы мышления состоит в том, что подобно тому, как в XX веке божественное перестало считаться исключительной привилегией Бога и было противопоставлено Ему, так человеческое сегодня прекращает быть уникальной принадлежностью человека. Возникает идея человека не как сущности, а как права, которое может быть делегировано на сторону. Кому? Нечеловеческому миру, который претендует обнаружить бóльшую человечность, чем человек.

Маргинализация темы человека имеет очевидную цель – снятие всех мыслимых границ. Философия, отстаивающая данную позицию, наделяет мир качествами человека, а человека – качествами мира, то есть совершает онтологическое уравнивание. Деантропологизация, лишение человека человечности – это средство децентрировать мир, устранить из него центр. Если человек единственен, то человечность множественна и рассеянна. Человек – центр, человечность – неизменная периферия. Бог, как говорил Ницше, умер, но осталась его тень. Вопреки Ницше, этой тенью сегодня оказывается не церковь, но человек. Он претендует на онтологический водораздел, и именно о его смерти необходимо объявить. Если прежде Бодрийяр, свергая трансцендентную социальность, писал о Боге как причинителе разделений в мире, то сегодня Агамбен видит источник отличий и иерархий в человеке. Если, говорит он, различие между человеком и животным «стирается, и понятия человека и животного совпадают между собой, как это вроде бы происходит сегодня, то исчезают различия также и между бытием и ничто, допустимым и недопустимым, божественным и демоническим, и на их месте выступает нечто, чему едва ли можно подобрать имя» [Агамбен 2012: 32-33]. Как на место Бога Ниц-

ше и ему сочувствующие ставили богов, так сегодня на место человека ставятся существа – человеческие и нечеловеческие, онтологически (и, следовательно, этически, политически) эквивалентные. Неслучайно сегодня проповедуется идея радикального гостеприимства, согласно которой не мы принимаем иное, но позволяем гостю стать на наше место, девальвируя саму идею хозяина. Центра нет нигде, периферия везде. Человека нет нигде, человечность везде.

В рамках постгуманистической парадигмы формируется нечеловеческая антропология. «Нечеловеческая антропология» – это отныне не оксюморон и не эпатажная формула, но опорная точка мышления и высказывания передовых философов и деятелей искусства. Желание сегодня говорить в рамках антропологии о человеке начинает расцениваться как философский бунт.

Когда мы говорим о западной культуре, мы вовсе не подразумеваем национальную принадлежность авторов, но имеем в виду продолжение западноевропейской философской традиции в современном мире. Сегодня география приверженцев этой традиции простирается от Франции до Бразилии, от США до Ирана и России.

Запрет на идею человеческой исключительности – это современная антиантроподицея, ибо её цель – снять вопрос о человеке. Но в основе её – требование ответить на этот вопрос, пусть даже в форме его упразднения. Парадоксом такого стиля мышления является зависимость от антропологии, которая аналогична неразрывной связи между атеизмом и теизмом. Атеизм – это оборотная сторона теизма, и покуда есть атеизм, он всегда будет поддерживать теизм, на котором паразитирует. Как говорил Достоевский, атеист на один шаг отстоит от Бога. Постгуманизм располагается на тёплом теле антропологизма, он слишком пристрастен к теме человека, а потому, следуя собственной логике, должен будет аннулировать себя в нейтральном дискурсе. Сегодня попытки подобного индифферентного дискурса слишком заражены идеей человечности и всем, что с ней связано (эстетика, аффект, воображение и т. п.), а потому мало убедительны.

Вопрос о человеке может служить водоразделом между западной философией и русской философией. Западноевропейская философия склонна понимать себя как онтологию. Русская – как антропологию. Современная русская мысль антропологична. Она предлагает новые проекты человека, противопоставляя постгуманизму то, что следует обозначить как посткосмизм.

Для того чтобы определить посткосмизм, нужно, прежде всего, ответить на вопрос, что такое космизм. Например, как определяет его Ф. И. Гиренок: «Когда-то человека изъяли из природы. И был в ней этот изъян. А мы его захотели вернуть. Но места для него уже в природе не нашлось. И тогда придумали для него ноосферу, отправив его обживать космос» [Гиренок 2018: 6]. Почему для него не нашлось места? Потому что для христианского сознания у человека нет места в мире. Русский космизм – это компромисс с христианством. Но компромисс – это всегда соглашение сторон. С одной стороны, оказалось христианство, с другой – наука. В горизонте идеи ноосферы человек становится не отличим от продуктов своего ума, от техники. Попытка вернуть человека космосу – это одна из вариаций имманентизма в русской философии. Под имманентизмом мы понимаем философскую установку, суть которой состоит

в отрицании запредельных величин и онтологических разрывов. Ноосфера – это живое продолжение биосферы. Как говорил Вернадский, «под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу» [Вернадский 1988: 27].

В таком случае посткосмизм – это попытка аннулирования имманентистской логики космизма и установления связи с русской религиозной философией. Русская философия, совершая сегодня поворот к посткосмизму, трактует человека как онтологически иное в отношении мира наличного. Посткосмизм видит истину человека в его расширении, выходе за собственные пределы. Не редукция к наличному, но трансцендирование себя открывает подлинный горизонт человека. Сегодня это пространство расширения может именоваться как молчание, самость, онтологическая топика, литургия, антропологическая форма.

К антропологическим проектам посткосмизма, отвечающим на вызов антропологической катастрофы, можно отнести модели человека-аутиста (Ф. Гиренок), человека молчащего (В. Мартынов), человека синергийного (С. Хоружий), человека-навигатора (С. Смирнов), человека-философа (В. Варава), человека софийного (Ю. Осипов), человека литургического (Н. Ростова).

Если постгуманистическая парадигма охватывает философские проекты по включению человека в тотализирующее целое – природы, животного мира, сферы объектов или техники, то посткосмизм объединяет антропологические проекты, основанные на идее человеческой исключительности.

Библиография

- Агамбен 2012 – Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. Москва: РГГУ, 2012. 112 с.
 Вернадский 1988 – Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. Москва: Наука, 1988. 520 с.
 Гиренок 2018 – Гиренок Ф.И. Мы – художники // Завтра. № 11. 2018. С. 6.

References

- Agamben 2012 – Agamben G. Open: Human and animal. Moscow: RGGU Publ., 2012. 112 p. Transl. into Russian.
 Vernadsky 1988 – Vernadsky V. I. Philosophical thoughts of a naturalist. Moscow: Science Publ., 1988. 520 p. In Russian.
 Girenok 2018 – Girenok F. I. We are artists // *Zavtra*. No 11. 2018. P. 6. In Russian.